

Е.В. Литовченко

ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет»

308015, Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ – ТРАДИЦИЯ И ТРАНЗИТИВНОСТЬ – В ТРУДАХ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ АВТОРОВ

// Гуманитарные науки: сб. / [Белгородский филиал НАЧОУ ВПО «Современная гуманитарная академия»]. – Белгород: СГА, 2009. – Выпуск 13. – С. 55-66.

Центральное событие позднеантичной истории и традиционный водораздел эпох связан с 476 г., так называемым падением Западной Римской империи. Падение Римской империи – понятие, неоднозначно трактуемое как в истории науки, так и ныне. Его относят помимо узкой даты 476 г. и к религиозному кризису I в. н.э., когда появилось христианство, и к социальному кризису III в., когда рабство стало уступать место новым формам общественных отношений, и к «национальному» кризису V в., когда большая часть римского Запада оказалась заселена германцами.

Вместе с тем, историческое содержание понятия "падение Римской империи" вполне однозначно и реально. Это действительно был самый большой исторический перелом в истории Европы. Она вступила в IV век городской цивилизацией античности, а вышла из VI века сельской цивилизацией средневековья¹.

Для поздней античности – завершающей стадии в развитии классического периода истории – двумя главными качественными характеристиками, как для любого переходного времени, выступают традиция и транзитивность (лат. *transitivus* - переходный), т.е. переходность при сложном взаимодействии различных факторов исторического процесса и элементов культуры. В этом нетрудно убедиться, прибегнув к анализу письменных источников данной эпохи.

Как финальная фаза локальной цивилизации поздняя античность выросла на базе достижений греко-римского мира, обогащенных опытом кельто-германских и восточных обществ. Значительным элементом поздней античности становится иудео-христианская традиция².

Античное восприятие мира опиралось на традиционные классические установки – мифологическое сознание, мистические начала неоплатонизма, имперская идея (в позднеримской традиции). Новое, средневековое мирозерцание развивалось в рамках теоцентрической парадигмы, где все обще-

¹ Гаспаров М.Л. Авсоний и его время // Авсоний. Стихотворения. М., 1993. С. 252.

² О соотношении старых и новых элементов культуры поздней античности см.: Tradition and innovation in the late antiquity / Ed. by F.M. Clover, R.S. Humphreys. Madison (Wis.): Univ. of Wisconsin press, 1989. 343 p.; работы П. Брауна, А. Кэмерон, Г. Бауэрсока и др.

ственные процессы мыслились исключительно как претворение Воли Божьей.

Ситуация в социальной сфере *Pax Romana* конца IV - начала VI вв. во многом была обусловлена отношением граждан к религии.

В глазах современников облик этого сложного периода, воссозданный по источникам (христианского и языческого характера), представляется двумя совершенно различными картинами.

В произведениях языческих писателей мы видим золотовенчаный вечный Рим, гордящийся своей былой славой и благочестием, верный древним богам, сделавшим его своим избранником и даровавшим ему великую миссию господства над миром. Об этом пишут поэты Авсоний, Клавдиан, Рутилий Намациан.

Регулярно и с большим тщанием отправляются языческие обряды, продолжают существовать коллегии авгуров, весталок, других римских жрецов. Знать увлекается литературой, риторикой, отчасти философией, но еще больше она следит за модами и строжайшим соблюдением этикета. Симмах сетует, что светские обязанности поглощают большую часть времени, но все же считает невозможным не отдавать необходимые светские визиты. Словом, кажется, что жизнь течет по искони заведенному порядку, которому ничто не угрожает³.

Другая картина складывается из свидетельств христианских авторов. Прежде всего, мы не видим никакого покоя и благоденствия. Напротив, жизнь общества и всех его слоев предельно напряжена: оно находится на краю пропасти, и помешать его гибели может только христианство, с неистовой энергией добивающееся политической и духовной победы. Страстными обличениями пороков римского общества наполнены страницы сочинений «отцов церкви» Иеронима и Августина. Ложная вера, моральная деградация, всеобщая продажность, разврат - это еще далеко не полный перечень грехов, обрекающих это общество на уничтожение. Христиане беспрестанно подвергают язычников нападкам; их раздражает, что Рим, который они хотели бы видеть главой христианского мира, остается по преимуществу языческим.

Даже этнические различия не осознавались людьми как таковые, а воспринимались через призму религиозной оппозиционности (язычник – христианин или ортодоксальный христианин - ариан). При этом элементы противоборствующих религий редко проявлялись у одного и того же автора в чистом виде, как правило, они существовали в сложном переплетении, совершенно индивидуальном для каждого писателя. Творчество позднеантичных авторов содержало две основные тенденции данного исторического периода – традиционность и транзитивность, поэтому, на наш взгляд, представляется важным проследить, каким образом и насколько полно, эти черты отражены в менталитете и трудах позднеимперских интеллектуалов.

Литература кон. IV - нач. VI вв., хотя в ней и насчитывалось достаточно известных имен, по существу дала немного значительных художественных произведений. Эпической поэзии как таковой в то время не существовало,

³ Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. С. 14.

несмотря на попытки отдельных поэтов создать большой эпос, вроде поэмы «О царях», написанной Павлином из Нолы в подражание труду Светония (и позднее эпоса Флавия Кориппа «Иоанниада»). Лирика и драма также не были представлены сколько-нибудь значительными произведениями.

В период поздней античности наибольшее развитие получили так называемые «малые формы» литературы, в особенности прикладная поэзия: стихи дидактического характера, панегирики, экспромты, стихи «на случай».

Наличие такого рода литературы свидетельствовало о том, что развитие художественных жанров шло на убыль, а подлинное поэтическое вдохновение и талант заменялись главным образом искусной версификацией. В это время особой популярностью пользовались поэты, умевшие быстро и находчиво составить экспромт [Sid. Epist. II. V, 17], легко импровизировать или написать пышный панегирик. Двор государя способствовал развитию панегириков сначала в прозе, а затем и в эпической форме⁴. В парадных церемониях произнесение пылких панегириков в честь нового правителя было неотъемлемой частью.

Ярким представителем этой группы был римский поэт и ритор Децим Магн Авзоний (ок. 310 – ок. 394). Долгая жизнь Авзония приходится на период временной стабилизации в империи, начавшейся с правления Диоклетиана и Константина и продлившей ее существование на 200 лет.

«Великий ритор»⁵, формально являясь христианином, но душой оставаясь язычником, сочетал в своем творчестве античные и христианские мотивы. В его поэзии близко соседствуют стихотворение «О римских праздниках», посвященное дням почитания различных языческих божеств, и «Молитва», с которой Авзоний обращается к христианскому Богу. Авзоний черпает свой лексический арсенал из мифологии и истории культуры, почти автоматически в его сознании всплывают образы языческих богов и персонажей из великого прошлого Рима, которое он считает живым, реальным, настоящим. Прошлое целиком владеет его сознанием, несмотря на то, что совсем недолгое (в масштабах истории) время отделяет поэта от разгрома Рима ордами визигота Алариха (410 г.). Авзоний не думал о таком будущем, хотя и его стихи отражают все более усиливающийся натиск варваров на границы империи, но чувство безысходности в его произведениях отсутствует, даже, наоборот, Рим представлен великим и процветающим городом («Рим золотой, обитель богов, меж градами первый»), а варвары побежденными и усмирненными:

*Укрощены враги: там франки со свевами спорят,
Кто покорней, желая служить под римским оружьем;
Там к савроматской бродячей орде прибавились гунны;
Там налетают на Истр в союзе аланы и геты
(Это мне вести несет быстрокрылая наша Победа) –
Но император грядет, венец наших почестей близок, -*

⁴ Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А.И. Любжина. М., 2005. Т.3. С. 1419.

⁵ Обозначение принадлежит В. Брюсову: Брюсов В. Великий ритор. М., 1911. 84 с.

Кто в соучастники взят, тех ждет по заслугам награда
[Auson. Cons. Orat., 30-35]

Показательным, на наш взгляд, является и тот факт, что при упоминаниях традиционных римских и языческих ценностей Авзоний испытывает душевное тепло: «Церера золотая», «целитель-Юпитер», «Венера-вечерница», «мудрый советами Конс», «веселые амуры». Тогда как в строках, посвященных христианскому Богу, мы видим величественно красивые, но холодные слова. Автор как бы отдает дань ставшей уже официальной религии: «О всемогущий», «не имущий конца, ни начала», «ты, коего образ ум бессилён обнять, бессильно выразить слово» [Auson. Orat.1-5]

В творчестве еще одного галло-римского литератора и христианского епископа Аполлинария Сидония (ок. 430 - ок. 480 гг.) античная традиция также играет значительную роль. Письма Сидония дают нам представление о том, что жизнь человека духовного звания носит вполне светский характер [Sid. Epist. I. 1; III. 13; IV. 5; 6; 17], приоритетными для него становятся не христианские принципы, а патриотические настроения. Сидоний страстно желает видеть Римскую империю (или хотя бы Галлию, как олицетворение последней) в ее былом великолепии. Ради достижения этих высоких целей ортодоксальный христианин и епископ допускает возможность союза с готами-арианами [Id. I. 2].

Его произведения, также как и у Авзония пестрят образами античной мифологии, правда в письмах Сидония довольно сильно выражена тема покаяния: свои светские стихи и приятие арианства он считает ошибками молодости, однако, думается, что тема эта выглядит нарочито и навязчиво, как желание убедить в этом самого себя и отмежеваться от прошлых заблуждений⁶.

Отметим, что творчество Сидония, несомненно, демонстрирует нам не возрождаемую, а все еще «живую» античность, в его письмах и стихах есть все: и преклонение перед величием Рима и вера в его светлое будущее, и мирное соседство языческих богов с единым Творцом. Сидоний скрупулезно следует позднелатинским литературным традициям, вызывая к жизни архаизмы, выстраивая изящные фразы, используя игру слов и бесчисленные цитаты великих литераторов прошлого, его произведения пронизаны «авзонийским духом». Однако же, тот факт, что Сидоний стал священником говорит об упрочении новых христианских тенденций в обществе, в соответствии с которыми высокообразованная личность могла проявить себя только в качестве представителя высшего клира.

В отличие от Сидония, который, приняв сан епископа, остался верен языческому прошлому, Понтий Меропий Павлин (353-431) является примером человека, пережившего подлинный кризис личности (Psychomachia, по выражению Пруденция), нередкий для той эпохи, в результате которого он

⁶ Goldberg E.J. The Fall of the Roman Empire Revisited: Sidonius Apollinaris and His Crisis of Identity // Essays in History. Corcoran Department of History at the University of Virginia. Vol. 37. 1995 / <http://etext.lib.virginia.edu/journals/EH/>

полностью отказался от своих старых взглядов, став истинным христианином и епископом, отрекся от всего «мирского».

Будучи воспитанным в лучших римских традициях, ученик Авзония, Павлин Ноланский резко порывает с языческим прошлым. Он принимает христианство всей душой, посвящает всю свою дальнейшую жизнь служению Богу. Ради веры он отказывается не только от карьеры магистрата и от имений, по евангельскому завету он продает все свое имущество и раздает нищим. В качестве девиза его жизни можно привести такие слова Павлина: «...живи, посвящая жизнь Богу, не миру смертному: истинна жизнь, если для Бога живешь...» [Epist. ad Licent.]

Конфликт между Авзонием и его любимым учеником Павлином Ноланским (оба уроженцы Галлии) приобрел значение историко-культурного символа⁷. Христианские мотивы присутствуют в поэзии Авзония, принявшего христианство лишь номинально, рассудком, но не душой. Все его чувства отданы античной греко-римской традиции, он истинный приверженец римской литературы как высшей духовной ценности.

В то время как Павлин принимает христианство всей душой, посвящает всю свою дальнейшую жизнь служению Богу:

*...И мне по душе эта жизнь и нисколько
Не досаждаст: глупцом для идущих другою дорогой
Пусть буду я, коль решенье мое для предвечною Бога
Будет разумным. Ведь век человеческий краток, и тело
Бренно, а сам человек вне Христа - лишь призрак и пепел...
[Epist. ad Auson. 230]*

Узнав о судьбе своего воспитанника, Авзоний, считавший фанатичную веру и аскетизм проявлениями, не вписывающимися в рамки традиционного мировосприятия, пытается вернуть Павлина в круг утонченных словесников, туда, где царят «беотийские богини-музы». Он направляет к нему многочисленные стихотворные послания, приводит классические примеры дружбы – Эвриала и Ниса, Пилада и Ореста, Сципиона и Лелия⁸, заклиная вернуться к традиционному образу жизни римского аристократа:

*Милый, милый Павлин, ужели ты так изменился? [...]
Вот где решил ты, Павлин, зарыть и сенатскую тогу.
И остальные дары, какими почтен ты от Рима!
[Aus. Epist. 25, 50-60]*

Однако Павлин непреклонен: «Сердца, Христу навеки посвященные, для Феба затворяются».

⁷ Аверинцев С.С. Латинская литература IV-VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций // Памятники средневековой латинской литературы IV – VII веков. М., 1998. С. 13.

⁸ Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. Сретенск: МЦ, 2000. С. 30.

Став монахом, а позднее и епископом, заслужив своим христианским образом жизни почтение современников, Павлин, однако, не переставал писать стихи. Само его желание заниматься поэзией, в целом отвечающей риторическим принципам, говорит о том, что узы, связывающие его с античностью все еще очень крепки. И, несмотря на явную христианскую направленность поэзии Павлина, ему не удается избежать использования риторических приемов, подражания классикам, употребления мифологических персонажей [Epist. ad Auson. 110, 150]. Основными образцами для стихов Павлину служили классические латинские поэты Гораций и Вергилий [1, 2 и 136 псалмы].

И все же содержание произведений талантливого ученика Авзония полностью ориентировано на христианские идеалы. Исследователи по праву считают, что Понтий Павлин одним из первых заложил основы христианской поэзии, являлся представителем духовной культуры нового типа, средневековой христианской культуры.

Еще одной показательной фигурой в плане взаимодействия классических и христианских элементов в его сознании и произведениях можно считать Фабия Планциада Фульгенция (ок. 467-532) – римского писателя родом из Африки. До нас дошло сочинение Фульгенция «Три книги о мифологии» [Mitologiarum libri III], в котором он объясняет "подлинный и реальный" смысл древних мифов в мистико-аллегорической манере.

Образцом для книги Фульгенция послужил «Брак Меркурия и Филологии» Марциана Капеллы. «Mitologiarum libri III» построена в форме беседы автора с Музами. Интерпретацию мифов он вкладывает сначала в уста музы Каллиопы, а также аллегорических образов Философии и Урании, которым предстоит передать ему «мистический смысл» (*sensus mysticus*) мифологии. Но в дальнейшем Фульгенций отступает от этого композиционного приема и вначале сам кратко излагает миф, затем часто прибегает к фантастичному, абсурдному этимологизированию, объясняя "подлинный" смысл мифа.

Свою главную задачу Фульгенций видит в том (и здесь ему помогает знание греческого), чтобы из-под внешнего оформления греческого мифа извлечь рациональное латинское содержание. Так, уже во введении писатель совершенно четко дает понять, с какой целью затевается его обширное исследование: «Я-то надеюсь найти для всех этих вещей точное воплощение, чтоб, похоронив баснословие лживой Греции, уразуметь, в чем же их мистическая сердцевина» [I, Intr.]

По мнению Фульгенция, единственное оправдание мифологии в том, что хотя она и является вздором, однако же, нет такого вздора, который не был бы полезным испытанием для христианина, и на всякий вымысел есть своя правда. Вся мифология является, следовательно, инобытием морали и природы и как таковая вполне заслуживает разгадывания и истолкования⁹.

Фульгенций являлся твердым христианином и хронологически самым поздним из рассматриваемых нами авторов. Он воспринимает античность

⁹ Гусейнов Г.Ч. Истолкование мифологии на рубеже античности и средневековья: из книги латинского грамматика V-VI вв. // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 326.

уже как бы со стороны, не просто хронологически выходя за ее рамки: его сознание уже естественным образом живет по христианским канонам. В мировоззрении Фульгенция античность представляет собой уже неопасный пласт культуры, который он усердно препарировывает в «лабораторных» целях. Автор использует античные сюжеты, выискивая, а иногда и выдумывая в них поучительные моменты, представляющие ценность для христианской морали.

Таким образом, необходимо отметить, что из классического наследия в сознании и трудах позднеантичной элиты сохранялся имперский патриотизм (у формальных христиан), устойчивый интерес к мифологическим сюжетам, а также следование риторическим канонам в литературе, однако, здесь уже проявляются и новые черты. Так невольное подражание классикам греко-римской литературы перерастает в прямое цитирование, а затем и в заимствования. В отрывках классических текстов часты искажения, приписывания другим авторам (Фульгенций). Также и сама латынь, цементирующая античные особенности, претерпевает изменения: «низкая» (народная) латынь опрощается, варваризируется, а высокая в противовес «мужицкой» становится все более вычурной, малоприспособленной для употребления.

Дополнительным стимулом к поддержанию и сохранению античного наследия, безусловно, являлось и варварское окружение. У населения бывших римских провинций, воспитанного в духе лучших риторических традиций, возникало естественное желание противопоставить варварским обычаям утонченную культуру и римские ценности, хотя бы на страницах литературных произведений.

Предпринятый нами анализ произведений позднеантичных авторов показал, что в сознании людей этого переходного периода бытовали как традиционные античные установки, так и новые средневеково-христианские черты. Безусловно, говоря о позднеантичной эпохе, мы не можем вести речь о существовании типичных для классического периода или средневековья элементов культуры в чистом виде. Труды избранных нами писателей показывают, что старые (языческие) и новые (христианские) черты существовали в сложном взаимодействии, что как раз и является показателем транзитивности. Вместе с тем, ориентация на классические каноны в литературе была настолько сильна, что даже убежденные христиане продолжали оформлять свои произведения в привычном для них (все авторы являлись воспитанниками риторических школ) риторическом стиле.

Попытка классифицировать авторов по характеру взаимодействия в их произведениях традиционных античных и новых христианских черт, привела нас к выявлению трех основных групп.

У одних авторов (Авзоний, Сидоний) сочетание противоположных элементов носило вполне мирный характер: они используют их лишь в качестве строительного материала для собственного самовыражения, так сказать, пассивно-эkleктический вариант сосуществования языческих и христианских элементов.

У других, напротив, контрастно-нигилистический, яростное утверждение сначала старых, а затем новых жизненных принципов при полном разрыве со старыми (Павлин Ноланский).

Третьи демонстрировали уважительно-снисходительное отношение к античному прошлому, используя его отдельные темы и сюжеты не в идеологической полемике, а в качестве полезного (при соответствующей обработке) культурного наследия (Фульгенций).

Конечно, к VI в. христианское мироощущение и образ жизни все больше вытесняют классическую традицию; сохраняются лишь внешние ее черты. В таком, уже «препарированном» качестве классическая традиция еще долго сохраняет влияние в умах образованных представителей варварских королевств и многих византийцев.